

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 15

29 января 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. от 13 октября 20.. года (вх. № ... от 21.10.20..) в отношении адвоката Р. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 декабря 20.. года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ч. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, исполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что:

– получив 08 мая 20.. года от С. на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашению от 01 мая 20.. года в размере 300 000 рублей и по Соглашению от 01 июля 20.. года вознаграждение в размере 370 000 рублей, оплаченное двумя равными платежами, совершенными 15 июля и 01 августа 20.. года, адвокат Р. внес полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования только 22 октября 20.. года после прекращения оказания юридической помощи доверителю и не выдал С. финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– адвокат Р. включил в соглашения об оказании юридической помощи, заключенные им с доверителем С. 01 мая и 01 июля 20.. года, пункты 3.1, согласно которым ему предоставлено право удержать половину оплаченного доверителем авансом фиксированного вознаграждения в течение первого месяца срока действия соглашения и удержать вторую половину вознаграждения в течение второго месяца срока действия соглашения вне зависимости от объема оказанной им юридической помощи за указанные периоды времени и до их истечения, а также пункты 5.1, согласно которым в случае одностороннего расторжения соглашения доверителем ему предоставлено право удержать не менее 75% оплаченного доверителем авансом фиксированного вознаграждения, также вне зависимости от объема оказанной юридической помощи, что фактически является санкцией за досрочное расторжение соглашений;

– не исполнив поручение, предусмотренное Соглашением от 01 мая 20.. года об оказании юридической помощи, и получив от доверителя С. оплату вознаграждения в полном размере, адвокат Р., вместо того, чтобы исчислять свое вознаграждение за дальнейшую работу в соответствии с п. 3.3 соглашения, 01 июля 20.. года заключил с доверителем новое (второе) соглашение с таким же предметом, предусмотрев в нем оплату вознаграждения авансом в течение первого месяца его действия, что повлекло за собой повторную выплату вознаграждения за уже оплаченную работу;

2) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ч. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Р. профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что адвокат Р., заключив 01 мая 20.. года Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем, в соответствии с п. 3.1 которого принял поручение на правовое сопровождение доверителя в суде первой инстанции по делу о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества, в нарушение требований ст. 132 ГПК РФ и п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» обратился в интересах заявителя в К. районный суд города Москвы с исковым заявлением о расторжении брака со Ст., не указав в нем стоимость подлежащего разделу имущества и не приложив к исковому заявлению документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленном размере, а также подлинник свидетельства о заключении брака;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе С. от 13 октября 20.. года (вх. № ... от 21.10.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменно ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия, одновременно указав, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен, пытался неоднократно связаться с адвокатом Р. для обсуждения возможности примирения при условии возврата адвокатом гонорара в полном объеме (670 000 рублей), но адвокат Р. не предпринял со своей стороны никаких шагов к примирению. В связи с этим просит применить к адвокату Р. «максимальное дисциплинарное наказание» и считает, что «в будущем таких людей не должно быть в профессии» (вх. № ... от 23.01.20..).

Адвокат Р., надлежащим образом уведомленный о заседании Совета и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, сообщил по телефону, что у него нет возможности принять участие в заседании Совета, не неоднократные звонки и сообщения не отвечал, каких-либо ходатайств не заявил, отношения к заключению Квалификационной комиссии не выразил.

Учитывая эти обстоятельства, руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает, что Квалификационной комиссией верно и полно установлены фактические обстоятельства, и в полном объеме соглашается с выводами Комиссии.

Заявитель С. выдвинул в отношении адвоката Р. следующие дисциплинарные обвинения:

- в невыдаче финансовых документов, подтверждающих оплату юридической помощи;

- в недобросовестном исполнении профессиональных обязанностей, выразившемся в обращении в суд в интересах заявителя с нарушением требований процессуального законодательства, в результате чего адвокатом искусственно затянута подача документов;

- во включении в соглашения от 01 мая и от 01 июля 20.. года недопустимых условий, согласно которым оплаченное вознаграждение не подлежит возврату независимо от сроков выполнения и объема правовой работы (п. 3.1 каждого из соглашений). При этом в случае расторжения соглашений заявителем сумма оплаты за проделанную правовую работу согласно п. 5.1 не возвращается, определяется адвокатом Р. по прейскуранту и не может быть меньше, чем 75% от полученного им вознаграждения.

Адвокат Р. не согласился с выдвинутыми заявителем дисциплинарными обвинениями, отметив их недоказанность. Сослался на то, что оказанная им юридическая помощь была принята доверителем, что

подтверждается актом. Заявитель оплату денежных средств производил в безналичном порядке, соответственно, у него остались подтверждающие документы из банка. Впоследствии полученные от С. денежные средства были переведены на расчетный счет Коллегии адвокатов «Б.». Заявитель сам выбрал периоды оказания юридической помощи при заключении соглашений. Сведений о том, что дело будет рассмотрено за два месяца, соглашения не содержат. Наоборот, в п. 4.3 указано, что адвокат не предоставляет доверителю никаких гарантий относительно рассмотрения дела. Претензии в затягивании сроков оказания юридической помощи адвокат Р. также не признает, указывает на просрочку со стороны заявителя в оформлении доверенности, предоставлении документов и оплате государственной пошлины. Отмечает, что исковое заявление было согласовано и подписано заявителем только 02 июня 20.. года, а судом вопрос о принятии искового заявления был разрешен за пределами установленного пятидневного срока. Обстоятельства, послужившие препятствием для принятия искового заявления, были устранены им в течение двух дней. Полагает, что факт заключения С. 01 июля 20.. года второго соглашения «не стыкуется» с доводами его жалобы о затягивании срока подачи искового заявления. Сразу же после заключения этого соглашения адвокатом Р. было подано заявление судье о своевременном устранении недостатков первоначально поданного иска и принятии искового заявления к производству. 16 июля 20.. года адвокат Р. повторно обратился с заявлением к судье, а также к председателю К. районного суда города Москвы с просьбой сообщить о движении дела. 28 июля 20.. года исковое заявление было принято к производству, а 28 августа 20.. года по делу была проведена беседа с участием адвоката Р. и заявителя С. Судебное заседание было назначено на 15 октября 20.. года, о чем заявитель был уведомлен. Адвокат Р. полагает, что все документы готовились и подавались им своевременно, дисциплинарных проступков он не совершал.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие обстоятельства.

Между адвокатом Р. и заявителем С. были заключены два Соглашения об оказании юридической помощи – от 01 мая и от 01 июля 20.. года. Оба Соглашения составлены с использованием единой формы, в которую адвокатом Р. от руки вписаны сведения о месте и дате заключения соглашения, о доверителе и заполнены п. 1.1 и п. 3.1 соглашений. Срок действия Соглашения от 01 мая 20.. года истек 01 июля 20.. года, и в этот день стороны подписали Акт выполненных работ (оказанной юридической помощи), в котором указано, что юридическая помощь, предусмотренная Соглашением от 01 мая 20.. года, оказана в полном объеме, и С. не имеет претензий к адвокату Р. в связи с оказанной юридической помощью. Соглашение от 01 июля 20.. года было заключено на срок в три месяца – до 01 октября 20.. года.

Уведомлением от 08 сентября 20.. года С. отказался от исполнения этого Соглашения и потребовал возврата оплаченного вознаграждения, а 09

сентября 20.. года отменил выданную адвокату Р. доверенность распоряжением в нотариальной форме. 22 сентября 20.. года адвокат Р. сообщением по электронной почте уведомил заявителя о том, что *«Согласно заключенного соглашения (в т.ч. п. 3.1) возврат денежных средств не предусмотрен».*

Рассматривая дисциплинарные обвинения, относящиеся к формализации адвокатом Р. отношений с доверителем, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашению от 01 мая 20.. года в размере 300 000 рублей и по Соглашению от 01 июля 2025 года в размере 370 000 рублей было переведено доверителем на личный счет адвоката Р. Все полученные адвокатом Р. суммы вознаграждения были им перечислены на расчетный счет адвокатского образования только 22 октября 20.. года, то есть спустя полтора месяца после отказа С. от получения юридической помощи и расторжения им Соглашения от 01 июля 20.. года, а также после обращения заявителя с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы. При этом никаких документов, подтверждающих внесение оплаченного С. вознаграждения на расчетный счет адвокатского образования, адвокат Р. заявителю не выдал. Все указанные обстоятельства адвокатом Р. не отрицаются. Более того, как указано выше, он полагает, что в выдаче доверителю финансовых документов вообще не было необходимости.

Как следует из идентичных текстов второго абзаца п. 3.1 Соглашений от 01 мая и от 01 июля 20.. года, в каждом из них после вписанного от руки адвокатом Р. условия о размере вознаграждения и сроке его оплаты указано: *«при этом денежная сумма в размере 50% от стоимости юридической помощи по настоящему соглашению удерживается Адвокатом ежемесячно и возврату не подлежит за текущий месяц вне зависимости от сроков и объема выполненной работы Адвоката».*

Пункт 5.1 сформулирован в обоих Соглашениях следующим образом: *«5.1. Доверитель имеет право расторгнуть соглашение в одностороннем внесудебном порядке, уведомив письменно Адвоката не менее чем за 14 (четырнадцать) дней до даты расторжения соглашения. Уведомление направляется Адвокату любым удобным способом, в том числе на электронную почту, СМС, сообщением на номер телефона Адвоката, а также всевозможными мессенджерами (WhatsApp, Viber и др.) В этом случае сумма за проделанную работу на момент расторжения соглашения не возвращается. Сумма за проделанную работу может определяться по прейскуранту самим Адвокатом (по его желанию). При этом, сумма, подлежащая удержанию Адвокатом, не может быть менее 75% от суммы, полученной Адвокатом».*

В обоих Соглашениях вознаграждение за оказание юридической помощи установлено в фиксированном размере и уплачивается авансом.

Таким образом, исходя из буквального толкования п. 3.1 и п. 5.1 каждого из Соглашений, право адвоката Р. на удержание 50% оплаченного

авансом вознаграждения обусловлено исключительно истечением определенного периода – первого и второго месяца соответственно, а право на удержание 75% вознаграждения обусловлено фактом расторжения соглашения заявителем, и ни в первом, ни во втором случае размер удерживаемого адвокатом вознаграждения не зависит от объема выполненной им правовой работы.

Описанный подход, реализованный адвокатом Р. в п. 3.1 и в п. 5.1 обоих Соглашений со С. в соответствии с используемой им стандартной формой соглашения об оказании юридической помощи с доверителями, прямо противоречит смыслу и содержанию приведенных выше Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года «О соглашении на оказание юридической помощи», согласно которым право адвоката на получение фиксированного вознаграждения в полном объеме возникает в случае выполнения им всего объема правовой работы, предусмотренной соглашением с доверителем, и адвокат не вправе в случае отказа доверителя от соглашения удерживать заранее определенную часть вознаграждения, размер которой не зависит от объема оказанной юридической помощи (выполненной правовой работы).

При этом пунктом 3.3 обоих соглашений установлено, что юридическая помощь, с учетом предмета поручения, считается оказанной после вынесения решения судом первой инстанции, но в случае, если рассмотрение дела затягивается более чем на два месяца, помощь считается также оказанной, и стоимость оказания дальнейшей юридической помощи увеличивается в соответствии с прейскурантом, либо оплачивается из расчета 5 000 рублей за час работы, либо оплачивается по договоренности.

Таким образом, единственная ситуация, когда в рассматриваемых обстоятельствах адвокат Р. получил бы вознаграждение за выполненное поручение по Соглашению от 01 мая 20.. года – это рассмотрение К. районным судом города Москвы по существу спора о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества супругов С. не позднее 01 июля 20.. года. Вместе с тем, адвокат Р., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, заведомо понимал, что иск заявителя не будет рассмотрен судом в такие короткие сроки. Наличие у него такого понимания подтверждается его собственными объяснениями о том, что он неоднократно информировал заявителя о том, что дела этой категории не рассматриваются судами за два месяца. При этом в материалах дисциплинарного производства не имеется доказательств того, что адвокат Р. действительно разъяснил доверителю С. как порядок и сроки рассмотрения дел о расторжении брака и разделе имущества супругов, так и приведенные выше условия соглашений с ним. Отсутствуют в материалах дисциплинарного производства и доказательства того, что именно заявитель настаивал на заключении соглашений на указанный в каждом из них срок. Более того, как указано выше, соответствующие положения вписаны в соглашения от руки именно адвокатом Р. По этой причине приведенные доводы адвоката Р. о том, что

такие разъяснения им давались С., Совет отклоняет как голословные и оценивает их как направленные на избежание ответственности за недобросовестные действия. В то же время эти объяснения адвоката Р. учитываются Советом как подтверждающие осознание им невозможности рассмотрения судом дела, в котором он представлял интересы С., в срок не более двух месяцев.

По состоянию на 01 июля 20.. года поданное адвокатом Р. в интересах заявителя в К. районный суд города Москвы исковое заявление было оставлено без движения на срок до 25 июля 20.. года, что по существу означает невыполнение адвокатом Р. предмета поручения по этому соглашению. Несмотря на это очевидное обстоятельство и вместо того, чтобы в соответствии с п. 3.3 Соглашения согласовать с доверителем условия оплаты его дальнейшей работы по нему, он 01 июля 20.. года заключил со С. второе (новое) Соглашение на ту же самую правовую работу, но за большее фиксированное вознаграждение, которое также получил авансом. Как правильно указано в заключении Квалификационной комиссии, предмет обоих соглашений об оказании юридической помощи совпадает за исключением некоторых лингвистических различий, не влияющих оценку его существа.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что описанное профессиональное поведение адвоката Р. не может быть признано честным, разумным и добросовестным исполнением профессиональных обязанностей перед заявителем. Это же относится и к отказу адвоката Р. от исполнения обязанности возратить заявителю неотработанную часть вознаграждения, выраженному им в электронном письме заявителю С. от 22 сентября 20.. года в ответ на полученное от последнего уведомление об отказе от исполнения Соглашения от 01 июля 20.. года и требование о возврате неотработанного вознаграждения: *«Согласно заключенного соглашения (в т.ч. п. 3.1) возврат денежных средств не предусмотрен»*. Эти действия адвоката Р. дополнительно подтверждают намеренный характер включения им в оба соглашения со С. описанных выше недопустимых условий.

Совет также полагает верным вывод Комиссии о том, что адвокатом Р. по двум соглашениям, совокупный размер полученного вознаграждения по которым составил 670 000 рублей, выполнен объем юридической помощи, соответствующий предмету поручения по первому Соглашению, заключенному 01 мая 20.. года, а именно: подготовка и подача искового заявления, последующее устранение его недостатков и участие в одном судебном заседании (беседе). В связи с этим необходимость заключения им с заявителем еще одного соглашения с тем же предметом заведомо отсутствовала.

Наконец, Совет отмечает, что условия п. 5.1 соглашений со С., предусмотренные используемой адвокатом Р. формой соглашения об оказании юридической помощи, направлены на создание доверителю препятствий к свободной реализации его права на расторжение соглашения,

особенно на начальной стадии его исполнения. Иными словами, эти условия носят характер санкции за досрочное расторжение соглашения доверителем, что также прямо противоречит указанным выше Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы.

В соответствии с пп. 2 и 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи относятся, в том числе предмет поручения, условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь. При этом согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение на оказание юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей.

Советом и Квалификационной комиссией многократно указывалось на то, что обязанность по надлежащей формализации правоотношений с доверителем и ответственность за негативные последствия ее несоблюдения возложены именно на адвоката как профессионального участника соответствующих отношений. «Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17.*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99.*).

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям

законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В п. 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем опубликован в открытом доступе на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет <<https://www.advokatymoscow.ru/>>*).

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств, адвокат в период действия соглашения имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета 29 сентября 2014 года, «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо

удержания неотработанной части внесенного гонорара» (*Разъяснения № 7 опубликованы в открытом доступе в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11), а также размещены на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет <<https://www.advokatymoscow.ru/>>*). Эти Разъяснения даны Советом в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы в силу требований п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Р. в части рассмотренных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед заявителем в этой части – установленной.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в ненадлежащем исполнении адвокатом Р. профессиональных обязанностей, выразившемся в том, что он в нарушение требований ст. 132 ГПК РФ и п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» обратился в интересах заявителя в К. районный суд города Москвы с иском о расторжении брака со Ст., не указав в нем стоимость подлежащего разделу имущества и не приложив к исковому заявлению документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленном размере, а также подлинник свидетельства о заключении брака.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, исковое заявление, подготовленное и поданное адвокатом Р. в суд, содержало требования как имущественного (о разделе совместно нажитого имущества), так и неимущественного характера (о расторжении брака), при этом государственная пошлина была уплачена в размере 8 000 рублей, из которых 5 000 рублей составляет государственная пошлина за расторжение брака.

Исковое заявление поступило в суд 06 июня 20.. года и определением от 16 июня 20.. года было оставлено судом без движения до 25 июля 20.. года, поскольку в нем *«не указана цена иска, несмотря на то, что заявлено требование имущественного характера о разделе имущества и признании права собственности, подлежащего оценке, и государственная пошлина не оплачена, ...не приложены оригинал свидетельства о заключении брака и документы, подтверждающие стоимость совместно нажитого имущества»*.

18 июня 2025 года адвокат Р. подал в суд заявление, в котором указал стоимость подлежащего разделу совместно нажитого в браке супругами Стельмах имущества, привел расчет размера подлежащей уплате государственной пошлины с учетом ранее оплаченной суммы, а также

приложил к данному заявлению оригинал свидетельства о заключении брака и платежное поручение об оплате государственной пошлины. После этого, 01 и 16 июля 20.. года, адвокат Р. подавал в суд заявления с просьбой сообщить информацию о движении дела. Исковое заявление было принято к производству 28 июня 20.. года и на 28 августа 20.. года по делу была назначена беседа.

Согласно ст. 132 ГПК РФ и п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», к исковому заявлению о расторжении брака прилагается свидетельство о заключении брака в подлиннике, исковое заявление должно быть оплачено государственной пошлиной в установленном размере, соответствующий подтверждающий документ также должен быть приложен к иску. Эти требования не были исполнены адвокатом Р., что им не отрицается. При этом он признал, что о приведенных требованиях процессуального законодательства ему было известно, в устной форме он информировал о них С., однако последний торопил с обращением в суд, и именно по этой причине исковое заявление было подано с нарушениями. Заявитель С. приведенные доводы адвоката Р. категорически отрицал, указав, что ему была сообщена противоположная информация о том, что подлинник свидетельства о браке можно будет представить позднее, а при подаче иска достаточно оплатить государственную пошлину в размере 8 000 рублей. Таким образом, и в данной части доводы адвоката Р., с одной стороны, подтверждают намеренный характер его действий, не соответствующих требованиям закона, а с другой – являются голословными и направленными на избежание ответственности в части ссылок на позицию доверителя.

Согласно ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката «Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства». Эту обязанность адвокат Р. не исполнил, хотя должен был исполнить ее во всех случаях и независимо от пожеланий доверителя даже в том случае, если бы таковые были ему высказаны (что, как указано выше, не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства).

Вместе с тем, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат Р. действовал с намерением причинить вред заявителю и/или затянуть рассмотрение судебного дела. Соглашение, которым предусматривалась обязанность адвоката Р. обратиться в суд с исковым заявлением, было заключено 01 мая 20.. года, доверенность была выдана заявителем 20 мая 20.. года, а 02 июня 20.. года исковое заявление было подано в суд. Документы во исполнение определения суда об оставлении искового заявления без движения были поданы адвокатом Р. в пределах установленного судом срока. Таким образом, в данной части дисциплинарное обвинение не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, и дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Р. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый и умышленный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих требований о надлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем как при формализации отношений с ним, так и при оказании юридической помощи. Совет также учитывает целенаправленный и системно недобросовестный подход, реализованный адвокатом Р. в используемой им стандартной форме соглашения об оказании юридической помощи доверителям (в том числе и в соглашениях с заявителем С.), отсутствие у адвоката критической оценки допущенных им нарушений. Об этом свидетельствует как позиция адвоката Р. при настоящем дисциплинарном разбирательстве, так и то обстоятельство, что при привлечении к дисциплинарной ответственности за аналогичные нарушения ему решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 31 октября 2024 года № 266 было указано на недопустимость подобного профессионального поведения и предоставлена возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества. Несмотря на то, что в силу истечения годовичного срока с момента применения предыдущей меры дисциплинарной ответственности адвокат Р. считается не имеющим дисциплинарного взыскания, Совет отмечает, что он надлежащих выводов для себя не сделал, профессиональное поведение не пересмотрел и не скорректировал.

Совокупность изложенных обстоятельств со всей очевидностью показывает, что адвокат Р. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не стремится к овладению ими, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. Небольшой стаж адвокатской деятельности адвоката Р. учитывается Советом, однако не меняет этого вывода.

По указанным причинам Совет признает профессиональное поведение адвоката Р. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит возможным применение к адвокату Р. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, и создавало бы ложное представление о совместимости подобного профессионального поведения со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации на основании заключения квалификационной

комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Р. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Р., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Р. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что он (адвокат Р.):

– получив 08 мая 20.. года от С. на свой личный счет в банке вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашению от 01 мая 20.. года в размере 300 000 рублей и по Соглашению от 01 июля 20.. года – в размере 370 000 рублей, оплаченное двумя равными платежами, совершенными 15 июля и 01 августа 20.. года, внес полученные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования только 22 октября 20.. года, после прекращения оказания юридической помощи доверителю, и не выдал С. финансовые документы о совершении операций с его денежными средствами (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– включил в соглашения об оказании юридической помощи, заключенные им с доверителем С. 01 мая и 01 июля 20.. года, пункты 3.1, согласно которым ему предоставлено право удержать половину оплаченного доверителем авансом фиксированного вознаграждения в течение первого месяца срока действия соглашения и удержать вторую половину вознаграждения в течение второго месяца срока действия соглашения вне

зависимости от объема оказанной им юридической помощи за указанные периоды времени и до их истечения, а также пункты 5.1, согласно которым в случае одностороннего расторжения соглашения доверителем ему предоставлено право удержать не менее 75% оплаченного доверителем авансом фиксированного вознаграждения также вне зависимости от объема оказанной юридической помощи, что фактически является санкцией за досрочное расторжение соглашений;

– не исполнив поручение, предусмотренное Соглашением от 01 мая 20.. года об оказании юридической помощи, и получив от доверителя С. оплату вознаграждения в полном размере, вместо того, чтобы исчислять свое вознаграждение за дальнейшую работу в соответствии с п. 3.3 Соглашения, 01 июля 20.. года заключил с доверителем новое (второе) Соглашение с таким же предметом, предусмотрев в нем оплату вознаграждения авансом в течение первого месяца его действия, что повлекло за собой повторную выплату вознаграждения за уже оплаченную работу;

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ч. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что он (адвокат Р.), заключив 01 мая 2025 года Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем, в соответствии с п. 3.1 которого принял поручение на правовое сопровождение доверителя в суде первой инстанции по делу о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества, в нарушение требований ст. 132 ГПК РФ и п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» обратился в интересах заявителя в К. районный суд города Москвы с исковым заявлением о расторжении брака со Ст., не указав в нем стоимость подлежащего разделу имущества и не приложив к исковому заявлению документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленном размере, а также подлинник свидетельства о заключении брака.

Установить срок, по истечении которого Р. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе С. от 13 октября 20.. года (вх. № ... от 21.10.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент

